

Названия растений

В письменном монгольском языке	В современном монгольском языке
1. Olusun --> olusu	оле "монголь"
2. buryasun --> buryasu	бургае "ива"
3. sayilasun --> sayilasu	хайнаас "ли"
4. culusun --> culusu	гүлэ "бархун"
5. gylesun --> gylesu	гүйтэ "ландыч"
6. monusun --> monusu	монэ "черемуха"
7. cerasun --> cerasu	дэрэ "чир"
8. carasun --> carasu	царэ "жуэ"
9. caryusun --> caryusu	каргае "шишора"
10. jegesun --> jegesu	зөгэ "калан"
11. temsiin --> temdsü	тэмэ "картофель"
12. narasun --> narasu	нарэ "соева"
13. alirsun --> alirsu	алирэ "брусника"
14. mayilasun --> mayilasu	майяе "никотиэ"
15. uliyasun --> uliyasu	улийэ "сояна"

Названия частей растений

1. andhasun --> andhasu	үгдэ "гроздь"
2. dārsun --> dārsu	гүрэ "коря"
3. nysun --> nysu	үлэ "береза"
4. calisun --> calisu	халыэ "ветвь"
5. coltasun --> coltasu	хольто "кора"
6. örgesün --> örgesü	эргэс "листва"
7. şilmläsun --> şilmläsu	шилмүүс "листвя"

Названия животных

1. görügesun --> görügesü	гереес "аистолова"
2. adayusun --> adayusu	адүүс "животное"
3. iiyasun --> iiyasu	загае "рыба"
4. şilügüsün --> şilügüsü	шилүүс "птица"
5. nuyasun --> nuyasu	нүгэе "утка"

6. manggisun ---> manggisu
7. vaqayisun ---> vaqayisu
8. qorbusun ---> qorbusu
9. bayitasun ---> bayitasu

- мангис "бароук"
 вақайис "чиркая эвинья"
 қорбус "бардечинки"
 байитас "бардечинки"

Назвлани ча ола рега, *қўлдан келтирилган*

1. yasun ---> yasu
2. qabuisun ---> qabisu
3. yuursun ---> yuursu
4. nayusan ---> nayusu
5. ususun ---> ususu
6. gedestün ---> gedesti
7. söstün ---> sösti
8. şirbüstün ---> şirbüsti
9. tömistün ---> tömistü
10. sudasun ---> sudasu
11. mögersün ---> mögersü
12. küystün ---> küystü
13. qayirsun ---> qayirsu
14. arasun ---> arasu
15. köristün ---> köristü
16. nousun ---> nousun
17. üsün ---> üsü
18. qdlisun ---> qdlisu
19. kimusun ---> kimusu
20. kilyasun ---> kilyasu
21. ungyasun ---> ungyasu
22. dabasun ---> dabasu
23. öisun ---> öisu
24. kölisün ---> kölisü

- я: "yasu"
 қабис "qabisu"
 уурс "yuursu"
 найус "nayusu"
 усус "ususu"
 гедест "gedesti"
 сөст "sösti"
 ширбүст "şirbüsti"
 төмист "tömistü"
 судас "sudasu"
 мөгерс "mögersü"
 күйс "küystü"
 қайис "qayirsu"
 арас "arasu"
 көрүст "köristü"
 нус "nousun"
 үс "üsü"
 қдлис "qdlisu"
 кимус "kimusu"
 килас "kilyasu"
 унга "ungyasu"
 дабас "dabasu"
 исе "öisu"
 көле "kölisü"

В так называемом Пятиязычном словаре представлено очень много слов на -sun (-sün), обозначающих названия растений и животных.

Для полной характеристики корневых субстантивов, образованных при помощи алломорфных словообразовательных морфем -sun -su-s необходимо привлечение материала из алтайских языков. В связи с этим позволимся на основе сравнительного анализа упомянуть корневые морфемы у части приведенных выше слов. Например, для уточнения корневых морфем слов olusu (олу), baryasu (баргас), çayildsu (хайлаас), güylesü (гүйле) и других, т.е. корневых морфем, образовавшихся после отторжения суффикса -su, приложит на помощь материал диалектного языка, в котором эти слова имеют следующие звуковые оболочки: olo (оло), barya (баргас), kailan (хайлаас), güilehe (гүйле). Третьим источником значения корневых морфем слова çantausu является Иранский словарь, в котором в качестве синонима английского слова приводится слово түдүтүз (srib-tshü). Третье слово түдүтүз ар "телевизионная станция", а түдүтүз : түдүтүз "лес, чаща". Это означает, что при передаче русского эквивалента, по-видимому, зафиксировано значение корневых морфем монгольского слова, т.е. основа слова çantausu имеет значение чаша "розетка". Подобным образом образовано слово наре-nagan + su. Известно, что при соединении к слову с основой на -n су -a -sun (sün) конечная -n обрывается. Например: çayın + sun = çayısun чашан - "чай", усу + sun = усун. В диалектном языке слово ёс имеет значение "порядок, церемония", а в уйгурском языке слово uonla обозначает ёс тергэй бап - "соблюдать церемонию, порядок". Обращение к материалу алтайских языков даст возможность уточнить значение и выч-

ленить многие корневые и словообразовательные морфемы:
МОНГ. гөрөөс - манч. gürgü МОНГ. шилүүс - манч.
silün, МОНГ. гэдэс - манч. gadaqa, МОНГ. сорлууц -
манч. solnin сөс - манч. silki шүтэ - манч.
silenggi МОНГ. балгас - эвен. balaγan тунг. balγu
- КО]. polg-avi.

Слова на морфем и гласных знающие корневые морфемы
всегда трудно, но иногда на различиях фонетик и морфо-
логических данных можно установить некое значение та-
ких морфем. В качестве примера возьмем слово usux

usux, в тунгусском - usux, в монгольском языке usux

usux, в эвенском на эвенских словах - usux ---
fū - sin --- usux --- usin.

usux, в эвенском - usux (usux) монгольском, в тунгусском

Дибс А. В.

НЕКОТОРЫЕ ЗАЙМСТВОВАНИЯ В СОМАТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

Хотя соматическая лексика относится к базисному лексическому фонду, наименее подвергающемуся заимствованию, богатая межъязыковыми контактами история языков алтайской семьи обуславлила значитель-

ный объем заимствований в этой лексической группе на разных хронологических срезах. Ниже приводится ряд этимологий слов монгольских языков, имеющих сложную историю, от отдельных заимствований в конкретные языки до заимствований в общесеверо-монгольский и, возможно, в общемонгольский. Автора в особенности интересовали заимствования из тюркских языков, для которых в ряде случаев удается определить конкретный источник.

Ср.-монг. MA 201 *zaiis* 'пах' (чаг. *uaxa*) - заимствование из чаг., восходящего к тюрк. **zaiis*-*ʔ* 'пах' ЭТЯ IV 000, монгольским соответствием которого является н-сев.-монг. **ʒ/ʒai/ʒi*-*ʔ* (< **zaiis*-*ʔ*): пксым.-монг. *haxa* *ʒai* 'пах'; сев.-монг.: халха *цавь(н)* 'пах человека и животных', Бурят. *самы* 'пах', *заби* 'положение при сидении, когда ноги сложены крест-накрест'; диал. Буд. 50, 54 *замы* (Булуца), *самы* (Алят, Улзетуй, Тангут, Осуца, Нельгай), *самя* (Цолга, Зангин), *замя* (Булуца) 'пах'; кал. *hax* 425a *ʔaxi* 'паховая часть животных и людей; светлая шкура под животом до бедер'; ордос. 30 697: *ʔaxi* 'пах'; внутр.-монг. Ненл.-Тум. 352 *ʔax* 'пах'. Глухой рефлекс начального согласного в большинстве языков может быть обусловлен переносом придыхательности из срединного сочетания. Монг. слово, в свою очередь, заимствовалось в ряд тюрк. языков: уз. *чов*, ккал. *шам*, кир. *чав* 'пах'; из бур. (как разделочный термин) заимствовалось як. *самык* 'крестец, поясница, забедры, круп, стусок (часть шкуры)' Нен. 2086.

Халха *хас* 'внутренняя сторона бедра' - возможно, морфологически перестроенное заимствование из тюрк. **haxi* 'пах' (с которым см. Дубо Ур.).

Могол. (*Zirni*) *ʒaxi* 'объятия', *haxi* 'объятия', *ʒaxi* - заимств. из тюрк. *ʒaxas* 'объятия', с развен-

тем объема значения по подобию перс. *baḡāl* 'подмышка, объятля'.

Монгол. *кал. мого* 25 *ᠪᠠᠭᠠᠳᠠᠭᠠᠢ* 'колено, внутренняя сторона колена': вряд ли верно предположение Г. Рамштедта о связи с айг. *baḡāl* 'локоть, предплечье'. По-видимому, заимствовано из тюрк. (в качестве названия подколенной ямки), ср. уз. диал. Кор. II. 99 (Ург.) *чонкур* = уз. литер. *чукур* 'яма, впадина' из перс. *ḡūyār* 'тж.'.

Монгол. *см* 220 *ᠪᠠᠭᠠᠳᠠᠭᠠᠢ* 'свище' - заимствование из тиб.: лит. тиб. **grla-ḡyān*, см. *Лексикон тиб.-монгол.*, с. 60.

Калка маяа 'шейка лопатки', сурят. **баяа* (заимствовано в як. *байаа* 'нижний край лопатки'); калм. *ка* в 294 *baḡ²*, *baḡ¹ o* 'мясо с плоской части лопатки, нижний, острый край лопатки', (Джанг. 210) *бая* 'головка лопатки', КРС *байла* 'острости позвонков; мясо на плоской стороне лопатки; нижний хрящевой край лопатки' - ср. кит. (Шань, II 721) *байгу* *ᠪᠠᠶᠢᠭᠤ* 'ребрышко, коплетка на ребрышке'.

Калм. *кыб* 157а *ḡᠢᠷ* 'ландмарше', *ᠮᠠᠨᠳᠠᠮᠠᠷᠰᠡᠢ*, *ᠰᠠᠲᠡᠷᠠᠭᠢ*, 155b *ḡᠢᠷ* 'ландмарше'; ст.-калм. Джанг. 247 *дуур* 'запястье'; по *Вязт. 45b* - из письм.-монг. *ḡᠠᠮᠠᠷ*, *ḡᠠᠮᠠᠷ*. Производное *кыб* 157а *ḡᠢᠷ-d²-хᠡ* 'брать, хватать за запястье, держать за предплечье'. По-видимому, тибетское заимствование через медицинскую терминологию: ср. монгол. *ᠬᠠᠮᠠᠷ* 'свет, луч' из тиб. (Лхас. 'od) 'луч' *ᠠᠨᠤᠨᠠᠰ* *Tibeto-mongolica*, 51 (ср. лучевая кость, лат. *radius*).

Письм.-монг. *кыв* 365 *ᠪᠠᠭᠠᠳᠠᠭᠠᠢ* 'ластовица'; калм. *кыб* 283b *ᠪᠠᠭᠠᠳᠠᠭᠠᠢ*, *ᠪᠠᠭᠠᠳᠠᠭᠠᠢ* 'головка рукава, подмышка рукава'. Генетическая связь, предполагаемая Рамштедтом, с тунг. *ого* 'подмышка' исключается, т.к. тунг. *ого* < **xawī-*. Очевидно, заимствование из

ма. ого-да 'ластовица, выемка для рукавов' (локативное имя от ого 'подмышка') ССТМЯ II 6.

Ср.-монг. Ст. Сл. 43 qari 'локоть', Ш. 444 a(a)ri 'рука'; МА 294 qari-la- 'мерить локтями', сев.-монг.: бурят. хари, хари сэмгэн (зап., Буд.78 - Булу-са), хардин сэмгэн 'берцовая кость, трубчатая кость'; производное *xari-tu (прилагательное): писым.-монг. qaritu 'плечевая кость', сев.-монг.: калжа харыт 'то же', бурят. харти 'берцовая кость передней ноги животного'; харыта сэмгэн Буд. 78 - Зангин, Галтай 'берцовая кость'. Заимствовано из тюрк. qarī 'верхняя часть руки ⇒ предплечье ⇒ локоть (мера)'. Конкретные источники заимствования для ср.-монг. - скорее, чагат.; для современных языков, заимствовавших слово как разделочный термин, это кыпчакские языки, имеющие аналогичный разделочный термин qarībo.

Монг. *boqes: ср.-монг. Козин 33 221 bokse 'задняя часть туши животного', МА 123 bokse 'хатес', писым.-монг. Ков 1252 bokse(n) 'задница'; сев.-монг.: калжа беге 'зад, задняя часть чего-л.', бурят. бурсе 'зад'; калж. Ков 55b bokse² 'achter, Hinterteil, Gesesse'; внутр.-монг. Нейл.-Тум. 304 boqes² Б 'нижняя, задняя часть тела'; южн.-монг. дагур. Поппе 72 бурсу, Тод. 128 бурсу, бурсе 'зад, нижняя часть туловища'. Заимствовано в тюрк. языки (начиная с чаг. периода, см. boksa hāv. VENT 83b, ЭСЯ II 213 - со значением 'нижняя часть туловища, зад'), в ТМ языки (звенк., ма. буксу 'зад, окорок' ССТМЯ I 104). Сомнительно предположение Г.Рамштедта (Ков 55b) о связи с монг. bokī- 'быть согнутым, кривым'. Возможно, результат контаминации с этим корнем (вследствие народной этимологии) - бур. зап. бұхе 'зад', бұхе-бше 'подушка для сидения'. Вряд ли также имеет отношение к boqes(n) ср.-монг. форма bokdeñi ~ bokdeñi 'бродячих' Козин

ᠰᠤ ᠰᠠᠰᠤ (вопреки Козину, семантически абсолютно с ним
 несводимая). Слово *ᠰᠡᠭᠡᠢ* (и), очевидно, заимствовано
 в качестве эфемизма (и вторично отнесено к и-осно-
 зам) из тюрк. *oqsaq* (ЭСТЯ II 214; др.-уйг., ср.-
 уйг.) 'живот' (< **oqsaq-āq*, производное с димину-
 тивным/основобразующим суффикс. от незафиксированного
 **oqsaq*. Старое производное от той же основы, с зако-
 номерным (Хелимокли СТ) развитием **-sa-* > *-gr-*, име-
 ем в тюрк. **oqsar* 'почки' ЭСТЯ II 205-207 (заим. в
 ср.-монг. Ут. сл. 21 *oqsar* 'почки') - этимолог ко-
 торого в монг. языках является **oqsar* 'почки, пе-
 рен. бок': ср.-монг. Козин ᠰᠤ 221 *oqsar* 'почки'
 (в двух местах текста в одной и той же поговорке:
oqsar-in oqsar-ur, / *oqsar-in oqsar-ur* 'пусть
 почки отойдут к задней части туши, а лопаточная
 часть¹ - к передней', в смысле "пусть будет восста-
 новлен порядок"); Лейд. 1266 *oqsar* [oqsar] 'поясни-

¹ Вряд ли правильно считает Л.А.Козин, что име-
 ется в виду различие между почетной (лопаточной) час-
 тью и простой задней (ср. в отжигловском переводе:
 Пусть все станет по местам; Здесь - почетный, челядь
 - там, Козин ᠰᠤ 93). Во-первых, лопатка при разделке
 не отходит к грудине (*oqsar*), во-вторых, грудина не
 является почетной частью, это - доля девушек и моло-
 дых женщин (задняя часть - доля замужних женщин) -
 см. Викторова, Монголы. с. 27. Таким образом, *oqsar*
 - не 'лопаточная часть', а какая-то часть грудины
 (мясо у верхней части позвоночника?). Тогда это сло-
 во можно связывать с **oqsar* (производное на *-ar*
 со значением 'нечто, надеваемое на..., покрывающее.
 ...'): письм.-монг. *oqsar* 'вид одежды'; сев.-монг.
 калха *oqsar* 'рубашка', калм. *oqsar* *am. kwb 426*
 'одежда без рукавов, разрезанная донизу на спине',

ца', ТМ 434 бѳ'ег (?) [b'ri'а] 'почка', письм.-монг.
Ков I245 бѳ'еге 'почка'; сев.-монг.: халха бѳер 'крестец животного; почки' (МХТТ 99), бурят. бѳерэ 'почки';
калм. КМ'б 56-57 бѳ'ег' 'почки', бѳ'ег' 'Node' (< *bѳ'ег-
сег); Джанг. 223 бѳер 'почки'; ордос. До 33 бѳ'ег 'почка, крестец; testiculi'; внутр.-монг. (Тод. I25: хорч., джал., дурб., горл., архорч., бар., онн., найм., харч., тум., шгол., уцаб., чак.) бѳ'ер 'почка, почки'; могол. Zigni 93 бѳ'ег 'почки, крестец', Ramst. 24 бѳ'ег 'Niere';
кнж.-монг.: монгол. SM 28 бѳ'ег 'почка, крестец', Тод. 318 бѳ'ег 'почки' (у. борѳ, сч. пори); дунс. Тод. Дунс. II3 бѳ'ег 'почка'; дагур. Понде 72 бѳ'ер 'почка'. Возможно, ранним заимствованием из монг. является тюрк. *bѳ'ег 'почка, бок, крестец' ЭСТЯ II 207. ТМ этимологом монгольской основы, видимо, является ТМ *fuxin 'внутренности' ССТМЯ II 339 (ПА *рѳ'ки- 'почки, внутренности';

ордос. ts'igeDek Most. До 702а 'короткая куртка'; заимствовано в тюрк.: айр. cavadaк 'верхняя одежда замужних женщин', леб. sagidak, сар., койб. sag'adaк, тел. sadaк Räs. VENT 102а (образование, совершенно аналогичное тюрк. *kojnl-ак 'рубашка' от *kojnl 'внутренность грудной клетки' = 'чувство, настроение'). Рамстедт связывает с ма. чэке 'верхняя короткая одежда вроде кафтана, шерсть вверх, из меха барсука, дикой козы, оленя', кор. с'егури, с'эки 'куртка' (Ram. КМ'б 426). Но ма. слово, скорее всего, связано с ма. чэке-му 'бархат, плис (подстриженный)' (с айф. адъективизации) и первоначально имело то же значение, судя по заимствованиям в ороц., ульч., нан.: чэке, чэкемэ 'бархат, ворсовая ткань' - см. ССТМЯ II 419. Тогда более вероятна его связь с тюрк. с'ак 'полосатая хлопчатобумажная ткань' - см. Claus. ED 413, Räs. VENT 102а ЭСТЯ УП (под ЧЕКМЕН). Тюркское соответствие этому монг. корню - *с'екл 'часть плеча, близкая к шее' ЭСТЯ УП. При этом возможно, др.-уйг., ср.-уйг. с'ек-

В МОНГ. озвончение начального согласного в присутствии поствелярного, ср. ПА *paŋ/ɮu- 'паковать, завязывать': ТМ *faɮu-, мо *baɮu-, ТЮ *bɮa; см. еще ОСНЯ № 338, 368).

П-сев.-монг. *taʂaɮu: ПЕСЬМ.-МОНГ. Кож 1621 taviya 'бок от бедра книзу'; сев.-монг.: халха ташаа(н) 'тазобедренный сустав; талия, поясница; поясница животного, место в области колчика; узкая вставка в месте соединения пол одежды', бурят. тадаа(н) 'бок, бедро'; калм. квъ 382b taʂaʂ 'бедро, бок', taʂā ō 'бедро, бок, нижняя часть тела'; Джанг. 396 тама 'бедро, бок'; ордос. до 126b ɮaʂā 'сторона тела, бок, бедро'; внутр.-монг. (Тод. 202: дарх., джал., архорч., бар., онг.) тешā, (джал., дурб., горл., бов., джар., урат.) ташā, (найм.) дашā, (хеш., дурб.-хух., дарх.-мянг., шгол., чак., орд.) дашā; Некл.-Тум. 348 taʂā Б 'бок'. Заим. в тюрк.: якут. тасаа 'бид животного с зада, задняя часть туловища, круп' Нек. II 259I. Г.Рамштедт (квъ 382b) предлагает связь с тюрк. *taʂak 'testiculi'. Последнее представлено следующими формами: ср.-уйг. МК taʂaʂ, Мел. АФ 084 tāʂāʂ İbnü M. 69 taʂaʂ, куман. taʂaʂ СС 236, ст.-кыпч. Abu H. 63 taʂaʂ, Tel. 324 taʂaʂ. Houts. taʂaʂ, Из.Дар 389 ташак; сев.-вост. якут. тасах, карагас. Castr. 146 taʂak, койб., саг. Р III 925 тазак, ойрот. тажек, туба Баск. 151 тазак; ю.-вост. уйг. диал. Хаме 183 ташак; ю.-зап. тур. Zen. II 590 taʂak, гаг. НЕГ ВМС.94 ташак, (?) аз. даша- в даша-дејен 'трясогузка' (ср. даш-дејен 'камнебитный'); сев.-зап. кар.к. ташакъ, татар. Р III 934 (казан.) ташак, кур. ташак; халадж. Doerf.-Tevz. 199 taʂaʂ, везде со значениями 'мошонка, testiculi', татар. Р - и 'penis'. Заимствовано в монгор. SM 412 t'aʂaʂ 'мошонка'. Слабая

гек 'хлопчатобумажная рубашка' - см. Слав.ЕД 416 - связано с šekin - ср. неясно по оформлению тур. диал. форму çigiz DS III 1208 'верхняя часть плеча'

закрепленность слова по современным языкам может быть обусловлена его принадлежность к табуированной лексике. Общепринято считать его производным от *tāz 'камень' (Дас. VEWI 466, Claus. ED, Doerfl.-Tetz.). М. Ряснен приводит в качестве семантической параллели фин. kivi 'камень' - kives 'testiculi'. Но эта параллель здесь неприложима, так как в фин. kives (диминутив от kivi) прежде всего имеет значение 'каменное грузило на рибашкой сети', и уже отсюда произведен перенос на название мошонки. Туркское производное на -ak от tāz 'камень' имело бы скорее значение 'предмет, изготовленный из камня' (как toz 'береста' - tozak 'берестяной сосуд' и под.). Можно предположить, что турк. *taṣak является самостоятельной, не связанной с *tāz 'камень' основой, алтайскую параллель к которой представляет ТМ *talpi 'бедро, ляжка' ССТМ II 169, и значение 'мошонка' появилось на позднем этапе вследствие эвфемистического употребления, а первоначально для него значение 'зад, задница'. Тогда это турк. слово в своем исходном значении может явиться источником заимствования для сев.-монг. *tasay 'задняя часть, бедро, бок'. (Письм.-монг. форма tasiya - конечно, попытка передать эту форму средствами монг. графики).

П-сев.-монг. *koṣkinag; письм.-монг. kow 904 kuskinag, kuskinug, 908 quṣkinug 'конец прямой кишки'; сев.-монг.: бурят. хошхоног 'прямая кишка'; калм. хъв 190а хошхонг 'anus'; ордос. DO 3C8a Гоṣ^кхинок 'penis' (и, по-видимому, сокращенная форма Gosi).

(сөкгөк < сөкиг-эк? - ср. Хелимский СТ). ТМ соответствие может представлять эвенк. чэкэн, чэкэктэ 'горлань, небо' ССТМ II 420. Сравнение монг. *sege-, турк. *səkn, эвенк. чэкэ- позволяет восстанавливать

Займ. в хакас. хосханах 'толстая кишка коровы'. Очевидно, оформленное собственным аффиксом заимствование из тюрк. названия подхвостника (ЭСТЯ У). История этого наименования внутри тюркских языков может быть проинтерпретирована следующим образом. От птюрк. *kuoḡa-suk/*kubursuk 'копчик, рещица' было образовано *kuoḡa-s-kan 'подхвостник' > *kuoḡaskan. Рефлексы его находим в ср.-уйг. Мел. АФ 108, İbni K. 49 qujusqan, чаг. МЛ 546 qujuvqan, куман. КВ 202 qujvqan; сев.-вост. ойр. кушкан, тел. РП 907, Баск. Туба 132, Баск. Куманд. 227 кушкан, Баск. Леб. 164 койошқон; в.-вост. уйг. кушкан, диал. Хами Малов УЯ 162 кушкан, ~~шанд.~~ 61. 784 quvoan, лоб. кучкан, Марк. 107 кускан, уз. литер. кушқон, диал. Јағг. UBQ 52 qujusqan; сев.-зап. тат. Р П 676 (казан.) көшқон, баш. койошқан, диал. Бһк II 143 койосқан, ног. куйыскан, кумик. диал. Кер. Кайт. 305 куйушқан, бал. Алп. 70 куйушқан, казах. куйысқан, квал. куйысқан, кир. куйушқан, кен. куушқан. Из кыпч. - шор. Р П 643 кошқан, хакас. Р П 625 (саг., койб., кач.) косқан. Форму с другим вариантом суффикса находим в чаг. Б П 98 (Кальк. сл.) qujusqan, в.-вост. уйг. диал. Јағг. 256 qujuvuyun, уз. диал. Хор.Ш. 63 куйышқун; Мир. 220 куйушқун. По-видимому, подобная форма кардукского типа явилась источником заимствования для ст.-кыпч. *kuekan (< *kujekun, с неудлиняющим стяжением при выпадении j из сочетания) > quvoan Houts. 91, заимствовавшегося из ст.-кыпч., с одной стороны, в ст.-осм. Ығ. 196, Нов. 348, Нем. TS 1084, TS IV 2750 kuekan, TS IV 2750 kuegan, откуда тур., тур. диал. kuekan, kuegan 'подхвостник; пахи лошади', гаг. коскун; без перехода S > в - в другие

ПА *секе- со значением 'часть груди, близкая к шее'.

огузские языки: аз. кушгун (откуда кулык. диал. Кер. Кайт. 305 кушгун), туркм. кушгун, салар. qoşqun; с другой стороны – в хакас. саг. хоскин, сег. кускун, кускоң. Вариант огласовки на о может быть обусловлен восприятием при заимствовании одвинутого в сторону о кыпчакского и. Очевидно, такая же кыпчакская форма явилась источником монгольской.

Материал приведенных этимологий свидетельствует (как и неоднократно отмечавшийся факт передачи в заимствованиях тюрк. *j- как ǰ-) об особо тесных северо-монгольско-кыпчакских контактах. Примечательна связь заимствовавшейся лексики со скотоводческим хозяйством.

Источники²

Буд. – Будаев Ц.Б. Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. Новосибирск, 1971. Бергман Г.А. Опыт сравнительно-статистического исследования лексики бурятских говоров. Улан-Удэ, 1961.

Бикторова – Викторова Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980.

Дыбо Ур. – Дыбо А.В. Заимствования из уральских языков в анатомической лексике алтайских языков. // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. М., 1989.

ИМ – Монгольские глоссы в словаре Ибн Муханни, см. МА.

Козин СС – Козин С.А. Сокровенное сказание. М.-Л., 1941.

Кочергина СРС – Кочергина В.Д. Санскритско-русский словарь. М., 1985.

² Расшифровку сокращений источников по тюркским языкам см. в ЭСТЯ I-IV.

МА - Поппе Н.Н. Монгольский словарь Мукаддимат ал-адаб. Ч. I-II. //Труды Ин-та востоковедения, XIV. М.-Л., 1938.

МХТТТ- Цэвэл Я. Монгол хэлний товч тайлбар толь. Улаанбаатар. 1966.

Некл. - Тум. - Неклюдов С.Ю., Тумурцэрэн Э. Монгольские сказания о Гэсэре. Новые записки. М., 1982.

ОСНГ - Ильич-Свистыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. I. Введение. Сравнительный словарь. Б- К.М., 1971. II. Сравнительный словарь. р - qм., 1984.

Поппе Даг. - Поппе Н.Н. Дагурский язык. М.-Л., 1933-1937.

ССТМЯ - Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. I-II. М., 1975-1977.

Ст.сл. - Ligeti L. Notes sur le vocabulaire mongol d'Istanbul. //АОН XVI, 2, 1963.

Тод. Бн - Тодаева Б.Х. Баоаньский язык. М., 1964.

Тод. Даг. - Тодаева Б.Х. Дагурский язык. М., 1986.

Тод.Джанг. - Тодаева Б.Х. Опыт лингвистического исследования эпоса "Джангар". Элиста, 1976.

Тод.Дис. - Тодаева Б.Х. Дуноянский язык. М., 1961.

Тод.Монгор. - Тодаева Б.Х. Монгорский язык. М., 1973.

Тод. ЯМВМ - Тодаева Б.Х. Язык монголов Внутренней Монголии. Материалы и словарь. М., 1981.

ЭСТЯ - Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974 -.

СьДМб - Chinesisch-Deutsches Wörterbuch. Berlin, 1985.

Клаус. ED - Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-thirteenth-century Turkish. Oxford, 1972.

DO - Mostaert A. Dictionnaire Ordos. Paris, 1950.

Ков. - Kowalew ski J.E. Dictionnaire mongol-russe-français. I-III. Kasan, 1844-1849.

Квб - Ramstedt G.J. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.

Рамст. Могх. - Ramstedt G.I. Mogholica. Beiträge zur Kenntnis der Monghol-Sprache in Afghanistan // JSFOu, XXIII. 1906.

Рона-Тас тибето-монголика - Rona-Tas A. Tibeto-Mongolica. The Tibetan Loanwords of Monguor and the Archaic Tibetan Dialects. Budapest, 1966.

Рäs. VEW - Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Turksprachen. Helsinki, 1969.

Ш - Haenisch E. Wörterbuch zu Manghol-un Niüča Tobcaan (Man-ch'ao pi-shi), Geheime Geschichte der Mongolen. Leipzig, 1939.

Зирни - The Zirni Manuscript. A Persian-Mongolian Glossary and Grammar by Shinobu Imamura. Kyoto, 1961.

Э.Б. Даверкина

Функционально-семантическая характеристика некоторых флексивных форм монгольского глагола

Модальные значения и способы их выражения остаются слабо исследованной областью грамматического строя монгольских языков. Наибольшее внимание уделялось модальным значениям, которые выражаются конечными аффиксативными формами глагола. Из протипоставления модальных значений этим форм устанавливается грамматическая категория наклонения. Хотя большинство исследователей монгольских языков при-

держиваются сходного понимания этой грамматической категории [См. напр. 5, с. 17; 7, с. 97; 2, с. 105], существуют разногласия в вопросе о принципах выделения наклонений, в моделировании семантической структуры этой категории глагола. Можно назвать, например, следующие варианты решения проблемы наклонений в монголоведной литературе:

- 1) девять наклонений - императив, прескриптив, прекратив, бенедиктив, коммессив, оптатив, волюнтатив, потенциал, индикатив (Г. Рамштедт [11]);
- 2) два наклонения - повелительно-желательное и изъявительное (Г. Д. Санжеев [5; 6], Б. Х. Тодоева [7]);
- 3) пять наклонений - индикатив, императив, волюнтатив, оптатив, дубитатив (Н. Поппе [9, 10]);
- 4) три наклонения - повелительное, желательное, наклонение опасения (или предостерегательное) (Ш. Лувсанванган [3]);
- 5) четыре наклонения - изъявительное, повелительное, желательное, предостерегательное [2];
- 6) шесть наклонений - повелительное, увещательное, приказное, желательное, волевое, предостерегательно-допустительное (Ц. Б. Цыдендамбаев [6]).

В настоящее время трудно назвать какую-либо наиболее распространенную, тем более общеприятную в монголистике точку зрения на количество наклонений и их значения. Разнообразие вариантов объясняется не только разными теоретическими подходами авторов, но и неоднозначностью многих конечных глагольных форм, объективной трудностью разграничения их модальных оттенков и, соответственно, трудностью определить общее значение форм.

Распределение глагольных форм по наклонениям и, следовательно, морфологический состав каждого наклонения и количество самих наклонений в конкретном монгольском языке практически зависит от того, как определяется исследователем значение той или иной глагольной формы, от семантического содержания, которое вкладывается им в устанавливаемые наклонения. Просмотр грамматических работ показывает, что модальная интерпретация определенной формы иногда опирается на какое-либо одно из её функциональных значений, без учёта и анализа других, что и ведет к разногласиям в классификации одной и той же формы.

В целом главный спорный вопрос заключается в определении семантических противопоставлений, которые различают формы разных наклонений. В одних случаях (см. напр. Г.Рамстедт [11], Н.Доппе [9]) в основу противопоставления положены различия между модальными значениями отдельных глагольных форм, в других (см. напр. Г.Д.Санжеев [5], Ш.Дувсанвандан [3]) — различия между инвариантными модальными значениями, устанавливаемыми для групп модальных форм.

Существующие расхождения в оценке значений форм хорошо видны на примере желательного наклонения (ИН). Это наклонение признается многими монголологами, но его морфологические границы не определяются устойчиво даже применительно к одному и тому же языку. Так, Г.Рамстедт относит к оптативу в монгольском языке 2 формы: на - аасаай и на - тугай [11, с.70-73]. Н.Доппе [9, с.166] — одну на - аасаай, Ш.Дувсанвандан — 5 форм: на - аасаай, — тугай, — г. — а, —сугай [3, с.35]. Почти такой же состав форм ИН —аа, —аа, —с,

-су(-сү), -г, -гха(-гха) приводится в грамматике калмыцкого языка 83 г. [2, с.231-231]. Ц.Б.Цыдендамбаев [3, с.138] оставил за ИИ одну форму: бур. - һай.

Как видно, микропарадигма ИИ состоит из одной формы или группы форм, количественно не совпадаю-щих у разных исследователей. Можно, что при таких условиях понимание ИИ, объем выражаемых им значе-ний оказывается неодинаковым. Если многозначной микропарадигме грамматическое значение ИИ предста-ет как суммарная характеристика из локальных значе-ний его форм [См. напр. 2, с.231. 3, с.86]. Чем различаются формы внутри такой микропарадигмы, дистрибутивные особенности форм, — эти вопросы составят вне рассмотрения.

В связи со спорностью морфологической базы ИИ, в поисках способов более точного определения модал-ьного значения форм можно попытаться провести анализ семантической структуры модалных форм, основываясь на их функционировании.

При списании глагольных форм нами используется понятия развиваемого в языковедении варианта теории общих и частных значений [См. 1; 4] и методика ком-понентного анализа — раскрытие значения модалных форм через выделение дифференциальных семантических признаков. В соответствии с принимаемой здесь теоре-тической базой общее значение грамматической формы понимается как совокупность признаков данной форме семантических дифференциальных признаков, определя-емых в оппозициях внутри данной грамматической кате-гории. Общее значение формы проявляется в её част-ных значениях. Сопоставление наборов семантических признаков, характеризующих каждое частное значение, поможет обнаружить как различия, так и общие семан-тические компоненты. Частные значения форм образуют

семантический потенциал (полный набор семантических признаков, релевантных для данной формы), составные элементы которого определяются функциональными возможностями форм в лексико-синтаксических условиях контекста и ситуации речи. Естественно, к установлению общего значения можно перейти лишь после того, как проведено исследование частных значений.

Общезвестно, что любые модальные отношения устанавливаются говорящим. На зависимость модальности высказывания от говорящего не раз указывалось в лингвистической литературе [См. напр. 2а, с.277-301]. Но соотношение между тем, кто устанавливает характер модального значения (говорящим), субъектом действия, адресатом высказывания может быть неодинаковым. Поэтому семантические признаки, выявляемые соотношениями между участниками коммуникативного акта, оказываются важными для нашего рассмотрения модальных форм.

Ниже кратко излагаются предварительные результаты семантического анализа некоторых глагольных форм, относимых к ЕН.

Форма на - асаай

Форма на - асаай - одна из немногих глагольных форм, значение которой определяется исследователями достаточно единообразно и однозначно. Принадлежит, что эта форма выражает желание или пожелание, чтобы данное действие осуществилось [7, с.108; 6а, с.68]. Расхождения наблюдаются в определении значения лица формы: 3-ье лицо [См.напр. 4^а, с.158; 4^б, с.150-151] или всех 3-х лиц [См. напр. 6, с.108].

Рассмотрим значение формы на примерах:

1. - Аав гурган крээсээ (З.В., 87) - Ойрокх би гэгэи
приехал!"
2. - Мөртой ч болосон! " - Хоня би мнэ! (Хорошо би
у меня был конь)"
3. Би... га хоёрыг ойгон танилцаасан юм күрээк
байна (Цог 7, 87, 88) " - А гурван, чтобы вы оба
тослике познакомились."

4. "Хоня" үзэнтэ эгэрши "хоня" хоньтонхой хоньтонхой
хоньтонхой хоньтонхой (Тула 8, 83, 87) " - Когда
трогает в одиночестве моё преданное сердце,
чтобы помогла мне любовь твоя, "читая!"

В семантике формы на - аавай можно выделить

следующие признаки:

- 1) направленность воли говорящего на исполните-
ля действия;
- 2) заинтересованность говорящего в осуществлении
действия;
- 3) независимость осуществления действия от воли
исполнителя;
- 4) выраженность признака лица-члена исполнителя
действия;
- 5) независимость говорящего от адресата.

Полоним признаки. Пользуясь формой на - аавай, говорящий не выражает ни желания самому совершить действие, ни волеизъявления, чтобы побудить к действию какое-либо другое лицо. Он выражает свою заинтересованность в осуществлении действия, высказывается с целесообразности, умениями, желательности совершения называемого действия. При этом несущественно выполнимо реально это действие или невыполнимо. В любом случае оказать влияние на выполнение желаемого действия говорящим не может.

Предложения с формой на - аасаи имеют сложную структуру плана содержания: она подразумевает двух участников - 1) говорящего, который определяет характер модального отношения (высказывает желание), и 2) субъекта действия, который должен совершить действие. Говорящий и субъект действия имеют разных референтов, кроме одного случая: в первом лице говорящий и исполнитель действия имеет одного референта, значение формы при этом не меняется.

Материал монгольского языка свидетельствует, что субъектом действия глагола в форме на - аасаи может быть и 1-ое, и 2-ое, и 3-ье лицо, которое определяется лексически - подлежащим предложения или восстанавливается из контекста, ситуации речи. Следовательно, сама форма на - аасаи не содержит в себе информации с конкретным лице-числе субъекта действия. Референтом субъекта действия 3-го лица может быть как лицо, так и любой объект высказывания, одушевленный или неодушевленный.

Форма I л. на -я (-э, -е)

Грамматическое значение формы на -я и ее роль в формировании модальных противопоставлений последователи определяют по-разному, хотя особых расхождений в описании смысла данной формы как будто не наблюдается. Помимо того, что форму на -я относят, как говорилось выше, к формам, выражающим желание, её считают повелительной формой I л. ед. и мн. ч. [7, с.98-99], формой реломатива [11, с.10-11, 76], повелительно-пригласительной формой I-го л. [8, с.178]. Разные оценки значения формы очевидно не следует считать противоречащими друг другу, основанием для них служит функциональная неоднозначность этой формы. Точки

зрения исследователей отражает скорее разные стороны такого сложного грамматического явления, каковым предстает форма на -я.

Вопрос о том, является ли форма на -я формой повелительного предложения, требует дальнейшего исследования.

1. Формой на -я говорящий обращается к собеседнику с целью побуждать собеседника совершить совместное действие, подразумевая самого себя в числе исполнителей названного действия. В данном случае побуждение обращено к адресату речи и говорящему одновременно и исполнитель действия "мы" мыслится как общность, состоящая из "я" говорящего и "ты" (ед.ч.) или "вы" (мн.ч.) собеседника, но местоимения "я" и "ты" (ед.ч.) явно не употребляются с этим значением формы на -я. Например:

3. - Эд вактуу бол ивья (М.ч., 18) - Если ты не боишься, иди!"

4. Ковлол захкалатт гавалтан амлит сандуулла (УЗУ 12.78) "Улучшим работу по подшивке = распространению печати".

5. ... шинэ наараа эхийе хунгагаа гавалтаа хотдолтин уурхайчингуушин тегээ ууршааа (Тула 8, 58, 86)
"- Давайте начнём нам праздник! Все поднимите бокалы! Вальм ва вактёров, за арагов объединений!"

Высказывание с формой на -я в значении I-го л. мн.ч. воспринимается как приказание или просьба или призыв, которые обуславливаются семантическим признаком зависимости говорящего от адресата в конкретной социально-этической ситуации общения, и в устной речи создаются интонацией в сочетании с остановкой речи, в письменной поддерживаются соответствующим лексическим значением глагола, который вводит прямую речь, и контекстом.

Данное частное значение формы на -я имеет следующие семантические признаки:

- 1) направленность воли говорящего на исполнителя действия;
- 2) признак лица исполнителя действия - I л.
- 3) признак числа исполнителя действия - мн.ч.
- 4) участие говорящего в совершении действия;
- 5) зависимость осуществления действия от воли говорящего;
- 6) зависимость говорящего от адресата.

2. При сочетании с местоимением I л. ед. ч. форма на -я имеет другое частное значение: намерение говорящего совершить действие. Местоимение *си* может опускаться только в тех случаях, когда контекст, условия речи исключают понимание субъекта действия как I-го л. мн. ч. Приведем примеры:

6. - *Би артеж дугтая гая болсон болонч...* (Тулга 8, 88, 14) - "Победу-на обратно, - подумала я, но..."

7. - *итэ холостдүүлэр өдөр нэг үзүүлжэ түнжэ үзэжэ* (Обон I, 88, 9) - "В связи с этим, разумею, я вам об одном случае."

Для второго частного значения формы на -я характерны такие признаки:

- 1) направленность воли говорящего на исполнителя действия;
- 2) признак лица исполнителя действия - I л.;
- 3) признак числа исполнителя действия - ед.ч.;
- 4) совпадение исполнителя действия с говорящим лицом;
- 5) зависимость осуществления действия от воли говорящего;
- 6) независимость говорящего от адресата.

В пояснении нуждается первый признак. При выделении этого признака мы исходили из понимания значения формы на -я в I-ом л. ед.ч. как проявления воли, внутреннего побуждения, принадлежащего говорящему. В отличие от первого частного значения, где референт субъекта действия частично совпадает с референтом говорящего, в данном значении субъект действия и говорящий совпадают полностью. Изменение соотношения участников речевого акта ослабило и видоизменило восприятие значения побуждения, заставив осознавать это как намерение, однако не изменило самого характера модального отношения, устанавливаемого говорящим между действием и его субъектом.

Волевой побужительный характер данного значения формы подтверждается сравнением с нулевой повелю - повелюй формой 2-го л. т.в. Когда при сопоставлении выносятся, соотносятся в одно и то же отношение, в одном выражается волеизъявление говорящего, направленное на адресата речи, а в другом - соответствующая инициатива говорящего совершить действие, например, 3. - Үх бригадин гэв еед лэв. Бх оруу орёй (Цог I, 79, 51) " - Ты поезжай в бригадин центр. Я поезду в центр."

А также при сопоставлении с изъявительной формой настоящего-будущего времени на -на, когда она имеет значение будущего времени, например,

9. - За наказ нуни өмнө когсо цөвэрлүрх. айл өрхийн ариун цэврийг малгай. Дараа нь бригадин төвийн бүх хүн ялангуяа саалчдын эрүүл мэндийг үзнэ. (Цог 77, I, 39) " - Итак, прежде всего заставляю обратить внимание и проверить санитарное состояние айлов. Потом осмотру всех людей бригадного центра, особенно цэвэрх".

Изъявительной формой на -на говорящий представ-

ляет своё действие как акт действительности, отнесенный к будущему времени, тогда как формой на -я выражает свою решимость, намерение исполнить действие, также ориентированное на будущее.

Из сравнения наборов семантических признаков рассмотренных значений видно, что общими для обоих частных значений являются признак "направленность воли говорящего на исполнителя действия" и соответственно признак "лица исполнителя действия".

Различаются значения признаком "числа исполнителя действия" и производным от него признаком "зависимость" / "независимость говорящего от адресата."

На основе анализа частных значений выводим семантически потенциал формы на -я:

- 1) направленность воли говорящего на исполнителя действия;
- 2) признак лица исполнителя действия - 1-ое л.;
- 3) признак числа исполнителя действия - мн.ч.;
- 4) признак числа исполнителя действия - ед.ч.
- 5) участие говорящего в совершении действия;
- 6) совпадение говорящего с исполнителем действия;
- 7) зависимость осуществления действия от воли говорящего;
- 8) зависимость говорящего от адресата;
- 9) независимость говорящего от адресата.

Наличие общих смысловых компонентов даёт основание предполагать, что в основе обоих значений лежит одно и то же модальное значение. В целом форму на -я характеризует единство значений побуждения и первого лица субъекта действия, число субъекта синтагматически обусловлено. Таким образом данная форма функционирует как повелительная форма первого лица мн.ч. и ед.ч.

Спора при определении значения формы на -я на какое-либо одно из её частных значений не только не от-

ражает полностью семантику, но и разрушает грамматическую целостность данной формы. К этому можно ещё добавить, не соответствует историческому развитию значения этой формы в монгольском языке.

Форма на -я (-ya) отмечена в "Сокровенном сказании монголов" (13 в.) как повелительная инклюзивная форма I-го л. мн.ч. Одновременно сосуществовала т. наз. проpositивная форма I-го л. ед.ч. - си. Постепенно форме на -я (-ya) стала выпадать и функция проpositивной формы I-го л. ед.ч., к 15-17 вв. она уже использовалась в значении I-го л. мн.ч. и I-го л. ед.ч., а форме на -си к этому времени почти выпала из употребления [См. 12, с. 117-118]. В классическом письменном монгольском языке -си уже нет, а форма на -я сохранила оба значения и в современном монгольском языке. Монгольский язык перестроил систему личных форм, объединив в одной форме однородные моральные значения. Однако в бурятском и калмыцком языках, где форма на -си сохранилась, форма на -я имеет значение только повелительной формы I-го л. мн.ч. [См. 2а; 2б].

Возвращаясь к семантическим признакам, сравним теперь семантический потенциал формы на -аасаи с потенциалом формы на -я. Семантическая структура формы на -аасаи сильно отличается от структуры формы на -я. Дифференциальные признаки формы на -аасаи - "ненаправленность воли говорящего на исполнителя" и "невыраженность признака лице-числа исполнителя действия" свидетельствуют, что значение этих двух форм не является значениями одного смыслового ряда.

Форма на -аасаи выражает непроизвольное желание (волеизъявление), когда говорящий не может оказать влияние на осуществление желаемого действия. Оста-

тивное значительная форма имеет знаменительный характер — (доказательная оценка: "хорошо бы совершилось данное действие") и не может быть объединена в одной парадигме с повелительным значением формы на -я.

Литература

1. Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. Л., 1971.
2. Грамматика якутского языка. Якутск, 1968.
- 2а. Грелл М. Сущности модальности. — Языковедение в Чехословакии. М., 1978.
- 2б. Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. Москва, 1962.
3. Лувсанвадан Э. Монгол хэлний гүйц сурах бүтэц, ч.1. УБ, 1966.
4. Маслов В.С. Глаголы *ийн* вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление). — "Вопросы грамматики болгарского литературного языка". М., 1969.
- 4а. Монгол хэл сурах бүтэц. Ред. Чой Лувсанжав. УБ., 1967.
- 4б. Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. М., 1985; в. 16: Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов, в. 17. М., 1986
5. Санжеев Г.Д. Наклонения в монгольских языках — "Вопросы грамматики и истории языков Востока." М., 1958.
6. Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1968.
- 6а. Санжеев Г.Д. Современный монгольский язык. М., 1964.
7. Тоджаева Б.Х. Грамматика современного монголь-

языка. М., 1951.

8. Шенниковская Е. Е. Грамматические категории русского языка в историко-сравнительном освещении. М., 1978.
9. Шенниковская Е. Е. История русского языка. М., 1980.
10. Шенниковская Е. Е. История русского языка. М., 1981.
11. Шенниковская Е. Е. История русского языка. М., 1982.
12. Шенниковская Е. Е. История русского языка. М., 1983.